

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. II
Статьи и рецензии. 1834-1841
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Под общей редакцией Ф. М. Головешченко
Редакция С. П. Бычкова
[OCR Бычков М.Н.](#)

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться:
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться! ¹⁴¹

Державин

"А! это вы? насилу-то мы с вами встретились! Ну, что, как? Здоровы ли? что нового?"... Так один молодой человек, давно уже сидевший в книжной лавке с книжкою "Библиотеки для чтения" в руках, приветствовал другого, только что вошедшего в лавку, с живостию бросившись к нему навстречу и с жаром пожимая ему руку. Этот молодой человек давно уже поглядывал на меня с явным желанием заговорить со мною, - должно быть, о статье, которую читал. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что он и улыбался, и смеялся; по временам с уст его слетали неопределенные восклицания. Он даже заговаривал со мною о погоде; но я, не любя заводить знакомств (ибо у нас на Руси разменяться с незнакомым человеком двумя-тремя фразами о погоде - значит иногда нажать приятеля и "моншера"), отделался от него неопределенным "да" и т. п. Тем живее была радость молодого человека при виде знакомого, с которым он давно не видался и которому мог излить ощущения, возбужденные в нем статьею. У них сейчас же завязался живой разговор, который показался мне столь интересным, что я почел не излишним довести его до сведения публики. Описание наружности и характера обоих персонажей этой маленькой сцены несколько не послужило бы к ее уяснению, и потому заметим только слегка, что молодой человек, встретивший с такою живостию своего знакомого, был несколько вертляв, говорил скоро и громко, как бы у себя дома, а лицо его казалось совершенным выражением легкости и добродушия; знакомый же его отличался от него какою-то холодною важностью в речи и в манерах. Чтоб лучше следить за их разговором, назовем первого господином А., а другого господином Б.

А. Что нового? - Да ведь вы знаете, что я всегда запасался им от вас же. Вы, кажется, что-то читали в "Библиотеке для чтения"?

Б. Ах, да! - статью о "Мертвых душах". Чудо, прелесть! В иных местах хотя и вздор, но зато какое во всем остроумие! Такой статьи давно не бывало! Вот уж можно сказать: *писана желчью*... ¹⁴²

А. Да, правда...

Б. Жанен! Решительный Жанен!

А. Ну, уж вот этого-то я и не скажу. Жанен - болтун; чрезвычайный успех его основан на легкости и на отсутствии всяких твердых и глубоких нравственных начал в обществе, для которого он болтает нынче совсем не то, что болтал вчера, а завтра будет болтать совершенно противное тому, что болтал вчера; ¹⁴³ но Жанен все-таки болтун остроумный, и при другом обществе он мог бы сделать из своего таланта лучшее, благороднейшее употребление. Но каков бы ни был Жанен и теперь, его болтовня всегда блещет умом и остроумием, хоть и совершенно внешними, и отличается *тоном порядочных людей*. Остроумие Жанена заключается совсем не в том, чтоб, выписав из разбираемого романа несколько фраз, плоских потому именно, что они вложены автором в уста изображаемого им человека дурного тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: *такие периоды настоящие свинтусы!* Истинное остроумие, хотя бы и легкое и мелкое, не искажает умышленно предметы, чтоб возбудить во что бы то ни стало грубый смех площадной толпы: оно находит смешное в своей манере видеть предметы, не уродуя их.

Б. Это, пожалуй, и так; да ведь дело-то в успехе, и *bien rire que rira le dernier!* {Хорошо смеется тот,